

Романтическое
настроение

Читайте в серии
«Романтическое настроение»

Даниэла Стил

День Рождения
Ты меня не забывай
Прости меня за любовь
Отзвуки эха
Свет в окне
Счастливики
Родные люди
Паломино

Нора Робертс

Сердце океана
Слухи об ангелах
Подсказка для
спящей красавицы
Луна над Каролиной
Красная лилия
Небо Монтаны
Смуглая ведьма
Родовое проклятие
Орудие ведьмы – любовь

Сандра Браун

Дом, в котором нет тебя
Пламя страсти
Тайный брак
Дороже всех сокровиш
Свадебный венок
Жажда
Не говори ни слова

Барбара Картленд

Первый вальс

Барбара Картленд

Первый вальс

Москва
2017

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44
К27

Barbara Cartland
THE ENCHANTED WALTZ

© Barbara Cartland, 1970

Ранее роман выходил под названием «Очарованная вальсом»

Перевод с английского К. Молькова

Художественное оформление Г. Федотова

Картленд, Барбара.

К27   Первый вальс : [роман] / Барбара Картленд ; [пер. с англ. К. И. Молькова]. — Москва : Издательство «Э», 2017. — 416 с. — (Романтическое настроение).

ISBN 978-5-699-96311-9

Молодая графиня Ванда Шонборн приезжает в Вену по наказу своей матери, чтобы встретиться с ее старым другом — князем Меттернихом, и стать его шпионкой. На балу девушка знакомится с обаятельным англичанином Ричардом Мелтоном, но по ошибке принимает его за царя Александра I. Это недоразумение переворачивает судьбы Ричарда и Ванды..

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

© Мольков К., перевод на русский язык, 2017

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

ISBN 978-5-699-96311-9

Глава первая

— **Х**ватит! Такое положение невыносимо! Терпеть это больше нельзя! — Князь Меттерних в сердцах стукнул кулаком по столу. Письменный прибор рядом с местом, по которому пришелся сей выразительный жест, жалобно звякнул в ответ золотой крышкой чернильницы.

— Но ты ведь заранее знал, что с императором Александром непременно возникнут сложности, дорогой, — негромко и вкрадчиво напомнила князю его супруга, сидя в кресле подле стола. Концы подлокотников кресла были украшены головками сфинксов — эти египетские мотивы были в то время очень модны, особенно после публикации книги барона Денона, археолога и гравера, «Путешествие по Нижнему и Верхнему Египту». Княгиня с удовольствием прочитала эти записки и каждый раз, сидя в кресле, невольно вспоминала мелочи и детали повествования. Но сейчас разговор с мужем поглотил все ее мысли и чувства.

Барбара Карлсенд

— Да, да, знаю, знаю, все так... — мрачнейя лицом, отвечал княгине супруг. — Но я не думал, что все зайдет так далеко! Этот человек... он... он... его весьма условно можно считать нормальным! Он...

Князь запнулся, подыскивая нужное слово.

— Сумасшедший? — с готовностью подсказала княгиня, подавшись вперед.

— Нет, не совсем так. — Меттерних зашагал по комнате, упрямо выставив перед собой породистую, узнаваемую в любой точке мира голову: завитки волос над открытым лбом, крупные черты лица — жестко очерченный рот, прямой нос — красив, безусловно, красив строгой мужской красотой без капли слащавости. Такая ходьба князя и этот наклон головы свидетельствовали о состоянии его глубокого, тягостного раздумья. — Мне трудно объяснить, что именно я нахожу отклонением от нормы в... этом человеке. Видишь ли, иногда мне кажется, что в нем не одна, как у всех, а сразу две личности, мало знакомых одна с другой.

— Ах, как неожиданно то, что ты говоришь, Клеменс! — с жаром откликнулась княгиня, разворачиваясь к мужу всем корпусом, насколько ей позволяла спинка кресла и подлокотники. — Видишь ли, мы только вчера обсуждали такую возможность, и княгиня Лихтенштейн, вообрази, объявила, что наши профессора медицины как раз работают над теори-

Первый вальс

ей раздвоения личности, когда в человеке одновременно уживаются и бог, и дьявол.

— Тогда русский царь должен стать первым из их пациентов! — не желая, как видно, сегодня стеснять себя привычными рамками дипломатической сдержанности, рубанул Меттерних. — С одной стороны, он мнит себя незыблемым повелителем мира, главной силой в Европе и в то же самое время милосердным христианином, несущим свободу и добрую волю всему человечеству.

Княгиня прерывисто вздохнула и потупила взор. В голосе ее супруга отчетливо слышалось раздражение. Она знала, что не нужна князю как собеседница в этом разговоре. Как заведено, муж будет развивать перед ней свои мысли, идеи, теории, оттачивая их в монологе — нередко бурном, в котором эмоции полностью захлестнут внешне сдержанного и обходительного дипломата. Впрочем, ей очень, очень нравилось его слушать.

Меттерних вошел в высшие слои венского общества благодаря браку с сидящей сейчас перед ним Марией Элеонорой Кауниц, внучкой и наследницей канцлера Австрии графа Венцеля фон Кауница. В октябре 1809 года он занял пост министра иностранных дел — должность, сулящую много рискованных и опасных хлопот, но Меттерних с ними успешно справлялся. Он был убежден, что Австрию может спасти лишь покорность Наполеону. Именно поэто-

Барбара Карлениг

му он устроил брак Габсбургской принцессы Марии Луизы и французского императора, ради которого тот вынужден был отдалить от себя свою ненаглядную креолку, которую он называл Жозефиной. Та в отместку обрызгала все покои своими тяжелыми экзотическими духами, которые так любила сама и которые так не любил Наполеон за их стойкость и душливый аромат — они не выветривались: протест истинной женщины! Она, пожалуй, была музой всех его блестящих побед — умная, непостижимым женским чутьем определявшая, какой шаг должен сделать ее возлюбленный. После женитьбы на Марии Луизе удача изменила Наполеону, но, когда в 1812 году Наполеон готовил вторжение в Россию, Меттерних вел переговоры о союзе с Францией... Весной 1813 года, уже после проигранной Бонапартом войны, Меттерних предложил посредничество державам-антагонистам, однако Наполеон отверг его условия, и Австрия быстро и благоразумно присоединилась к антифранцузской коалиции. Меттерних же при этом испытывал личное удовлетворение. В юные годы он успел стать свидетелем событий Французской революции, которые оставили в его восприятии неизгладимый след. Родители немедленно отозвали его из Франции и отправили в Майнц. Но и туда пришла французская армия, а затем были конфискованы владения семьи Меттерниха, расположенные на левом берегу Рейна. Позднее французы

вторглись и в Нидерланды. Тогда-то семья и перебралась в Вену, для чего отец Клеменса вынужден был оставить службу в Брюсселе. Так что присоединение Австрии к антифранцузским силам тешило в эти дни князю душу.

В целом же год назад дело кончилось тем, что союзные войска взяли Париж, а Наполеон был сослан на остров Эльбу. После этого, разумеется, наступило самое время заняться европейским переустройством! Именно об этом и болела теперь голова Меттерниха, пока крутились тайные винтики организованного им Венского конгресса, где все норовили урвать свой кусок пирога, а Меттерних зорко и пристрастно следил за тем, чтобы этот кусок не оказался самым лакомым. Самый лакомый край, по его мнению, пытался откусить русский царь Александр I.

— И это еще не все, — продолжал возмущаться князь. — Александр так настаивает на своих предложениях, что грозит тем самым вовсе сорвать конгресс! Как тебе известно, предполагалось, что государи будут развлекаться, а вся реальная работа ляжет на их полномочных представителей. Но русский царь одержим намерением сокрушить эту договоренность и требует личных переговоров со мной и с этим ирландцем, с Каслри. А несчастный граф Нессельроде при Александре даже не знает, что происходит в течение дня! Дело для министра невыносимое! То есть русский царь оттирает политическую

Барбара Карлениг

фигуру графа и рвется сам решать все вопросы с министрами иностранных дел. А мне бы больше подошел Нессельроде для этого, как и предписано протоколом...

— Понимаю, как это раздражает тебя, мой дорогой, — осторожно подала голос княгиня, формально поддерживая диалог.

— Раздражает? — гневно вскинулся князь, и голос его наполнился отзвуком мятежа. — Это возмутительно! Надо найти на него узду! Нужно что-нибудь предпринять, немедленно, но только что?

В отчаянье он раскинул руки и прижался спиной к створке окна.

Глядя на мужа, окруженного, словно аурой, светом неяркого зимнего солнца, княгиня Меттерних подумала — как и каждый божий день после их свадьбы, — что ее супруг, вне всякого сомнения, самый красивый мужчина, какого она когда-либо встречала в жизни.

Нельзя сказать, что черты лица князя отличались классической красотой, скорее их можно было назвать аристократическими, отражающими его сильный характер и яркую индивидуальность. Добавьте сюда необыкновенный блеск больших голубых глаз, искушающий изгиб чувственных губ, и вы получите точный и характерный портрет, который останется легко узнаваемым даже на самой нелестной карикатуре.

«Перед мужчиной с таким лицом не устоит ни одна женщина... И он это отлично сознает», — неожиданно для себя подумала княгиня, и сердце ее упало.

— Что можно сделать? Что? — вопрошал князь, продолжая смотреть в одну точку перед собой. — Если ничего не предпринять, конгресс провалится. И так уже всю гуляет острота: «Конгресс танцует, стоя на месте», а за моей спиной, где бы я ни появился, тихонько и злобно хихикают. Злопыхатели в открытую предрекают, что конгресс станет самой сокрушительной неудачей в моей карьере, и они будут правы — да, да, правы, Элеонора, если только каким-то чудом я не смогу воспрепятствовать царю все сорвать.

— Чудом? А ты не преувеличиваешь, мой милый? О каком чуде ты говоришь? — сдержанно улыбнулась княгиня.

— Я говорю о простом чуде. Иначе... я даже не могу вообразить себе, что будет дальше, — подавленно отвечал ей супруг, машинально переведя взгляд на ее пальцы, глядящие морду сфинкса на подлокотнике кресла. Таким же сфинксом представлялась ему его задача — загадка, не имеющая подсказки, чтобы постичь ее суть.

Меттерних отошел от окна и вновь принялся за свою маршировку. Изумительной работы абиссинский ковер скрадывал звук его чеканных шагов.

Барбара Карлленг

Все, что украшало дворец, который князь Меттерних выстроил для себя, выбрал он сам, по своему вкусу. Дворец он называл виллой на Реннвег, хотя император Франц заметил, смеясь, что охотно поменяет на эту виллу свою старинную резиденцию Габсбургов — замок Хофбург.

Князь с дотошностью наблюдал не только за строительством «виллы» в баснословно красивой Каринтии с ее озерами в окружении гор, но и за планировкой окружающего виллу парка — с редкими породами деревьев, кустарников и цветов. А в эти месяцы вилла на Реннвег была не только местом для развлечений, но и средоточием дипломатических переговоров, ради которых созывали конгресс. Осью, вокруг которой вращался весь механизм, был он, австрийский министр иностранных дел князь Меттерних.

Никто, за исключением его жены и секретарей, не знал, с каким огромным перенапряжением сил он трудился. Но это никак не отражалось на его отточенных благородных манерах, не умаляло ни его остроумия, ни той легкости, с какими он очаровывал тысячи высоких гостей, съехавшихся в Вену со всех уголков Европы.

Неоспоримым можно было считать и тот факт, что князь Меттерних затмил всех собравшихся в те сентябрьские дни в Вене, как бы пышно и теа-

трально они ни обставляли собственное пребывание на конгрессе.

А какую огромную свиту привез с собой этот русский император Александр I, жаждавший рукоплесканий в свой адрес, убежденный в том, что каждому должно быть известно: он, и только он разгромил Наполеона... Причем в одиночку!

Что ж... Дипломат на своем посту должен быть беспристрастным перед самим собой, должен отдавать себе отчет в каждой мелочи. «У Александра I, — подумал князь, — все же есть веские основания считать свою роль на европейской арене едва ли не ключевой, настолько активной была позиция России в военно-политических перипетиях тех лет, которые предшествовали осени 1814 года».

И Меттерних, призвав на помощь все возможное для себя хладнокровие, попытался восстановить в памяти хронологию и значение для государств европейских событий, к каким имел отношение Александр I. Ведь надо же, надо найти путь к тому, чтобы одолеть царя в политических играх! И отсчет надо вести с 1805 года, когда он, Клеменс фон Меттерних, еще не сидел на этой пороховой бочке, не был министром иностранных дел Австрии.

Начать с того, что европейские политические отношения были таковы: уже в 1805 году Россия, несмотря на миролюбие своего государя, была вынуждена принять участие в борьбе европейских держав

Барбара Карлениц

с Францией, во главе которой стоял великий завоеватель Наполеон. Начиная борьбу с ним, Александр мало того что вступил в союз с Австрией и Англией, но и сам стал руководить военными действиями. Война окончилась для союзников неудачно. Несколько раз Наполеон разбил австрийские войска, а затем и союзную русско-австрийскую армию, при которой находились оба императора, Александр и Франц. Наполеон вышел полным победителем. Австрия в этой разгромной ситуации поспешила заключить с ним мир, а русская армия вернулась домой.

Но уже в следующем году военные действия против Наполеона возобновились. На этот раз Россия была в союзе с Пруссией, которая опрометчиво поспешила начать борьбу, не дожидаясь прихода русской армии. Наполеон разбил прусские войска, занял столицу Пруссии, Берлин, и овладел всеми землями этого государства. Русской армии пришлось действовать одной. После первой неудачи Наполеон затем разбил русских. Война окончилась свиданием Наполеона и Александра в Тильзите, на плоту посредине реки Неман. Между Францией и Россией был заключен мир, по которому Россия должна была принять придуманную Наполеоном против Англии «континентальную систему» — не допускать к себе английские товары и вообще не иметь никаких торговых отношений с Англией. За это Россия получала свободу действий в Восточной Европе.

Тильзитский мир оказался непрочным. Не прошло и двух лет, как между Россией и Францией опять начались трения. Наполеон обвинял Александра в нарушении крайне разорительной для торговли России континентальной системы и в нежелании помогать ему в борьбе с Австрией, что было вполне справедливо: по секретному велению Александра русские войска и впрямь уклонялись от совместных выступлений с французской армией. Но и сам Наполеон не соблюдал условий Тильзитского мира — увеличил герцогство Варшавское, образованное как противовес влиянию России на Западе, и лишил владений герцога Ольденбургского, близкого родственника Александра. Война в этих условиях была неизбежна.

Наполеон замыслил уничтожить Россию и подготовился к этому основательно. В 1812 году он вторгся в пределы России, для которой началась Отечественная война. Эта война и возвеличила Александра и его государство, и повлекла падение Наполеона. То есть Россия с Александром во главе не только отстояла свое существование как государства, но и освободила затем всю Европу от власти непобедимого до тех пор завоевателя.

Следующий, 1813 год начался для России с того, что русская армия под началом царя Александра I и генерала Кутузова вступила в созданное Наполеоном герцогство Варшавское и продвинулась тем